

Я тогда с рундуком и с башмаками, так и не надев их, весь город прошагал, до ворот на Кассель. Ведь если даже здесь... В Германии... Вольф и теща, моя прожившая жизнь под спудом трёх К, так верят в моё предназначение 4-2-150

И всё от того, что герр Петер Геррита по Архангельску помнит». Малышка, повернувшись к Михаилу, утвердительно потрясла игрушкой. 4-2-137

Шаркунок грохотом горошин подтвердил правоту рассказа4-2-137

Девочка отпрыгнула на середину комнаты, встала меж матерью и Михаилом и, подняв ручонку вверх, затрясла игрушкой. А после – огрызок ко рту, потом под стол. И опять то же повторила. И шаркунок об этом же без устали4-2-138

Девочка вбежала с целой грушей и, встав перед матерью, откусывая огромными кусками, стала быстро есть.4-2-138

..ещё один русский помусорит... – тут глаза матери расширились. – Так это ты, вредный ребёнок! – с полотенцем она кинулась к дочке. Да только Михаил раньше успел: девочку за клетчатое платье и к себе за спину.4-2-138

Малышка протянула огрызок матери и, как только та захотела забрать его, размахнулась и со всей силы бросила его в сторону Михаила. После, схватив шаркунок, отчаянно заколотила им себе по груди.

Через **предпоследнюю сверху** и **вторую снизу ступеньку** переступил: та скрипит, будто кто ножиком по точилу, и сразу на квадратные каменные плиты. 4-2-80

Из окна напротив пристально, не мигая, смотрел на вексель сосед. Живой глаз, как и цветок, он солнцу октябрьскому подставлял. А тот, что недвижим, сам уставился, куда хотел. – А если в каждом письме? – первой увидела разноцветные, как витражи в их церкви, перспективы новой жизни фрау Цильх. 4-2-95

Или то письмо напрямую Михаилу отправим. А второе от Макарова. Помнишь... – он отвёл взгляд от долины, что меж двух холмов и глянул за окно. Да только зря он туда посмотрел. На площади оттачивали мастерство колющего удара гвардейцы Измайловского полка. Унтер-офицерское: «Коли!» прозвучало приговором любому, ещё хоть в чём сомневающемуся. Бирон резко, силы не соизмеряя, захлопнул створку. Рама хлопнула расстрельным выстрелом. Стекло не выдержало и рассыпалось, порезав ему руку. – Лекаря! – вскричала в испуге жена 4-2-87

Бирон шёл к дивану, придерживая перед собой раненную руку, наступая башмаками на капли крови. Часовой, стоящий при дверях, про себя проговаривал вечерний свой казарменный рассказ: «За ним следы так 4-2-87

Локти со стола! Сколько учили! – Каргопольский хлёстко выложил пикового короля. – Отец! Отец! – передразнил он Мишу. – А каково с мачехой жить? Ведь перепилит она тебя! (***) Перепилиха) интертекстуальность прецедентность

И понукает, да только уж это тут совсем неверно. Второй отец – тот, что на самом деле первый (так и по номеру Первый) – и понимает, и игрывал: гроссмейстер. Только далеко он. Едва и слышно с его стороны: «Ми... Ми...» Да нет на доске такой клетки и фигуры с таким именем. Получается только одно, как в доме Крыловых 360 слышал: «Миттельшпиль». Это когда начало: дебют уже разыгран, и только вот основные события начинают разворачиваться. 4-1-359

Пусть чёрная масть – за то, чтоб жизнь всю при острове, а красная – в мир тебе дорога. – Отчего же красное – так дорога? Нет, чёрными уход пометим. 4-1-407

«С этими надо что-то делать. Ведь теперь уж совсем неприлично: выползут ещё со своей глупостью, когда не нужно. Все потом говорить начнут: у Михайлы ползуны не воспитаны. Напихаю в уши пижмы, они от духа того и сбегут. Точно!» 4-1-357

Тут иное, – Иван Дорофеевич кресло подставил к столу, обмахнул рукавом. – Это любимое, Патриарха Московского Филарета. В миру он Фёдор. Первый Романов, отец Михаила Фёдоровича. А тот – Алексея Михайловича, а уж после – Пётр Алексеевич, ну и ноне Пётр Алексеевич малолетний, – он стал подпихивать кресло под Мишу. Василию Дорофеевичу все эти мебельные истории не по нраву. И оттого желваки ходили, и руки готовы были ухватить то креслице. А пол тут каменный, и уж дальше не загадывай... 4-1-349

Миша задумался: «Какие задние ноги? Это о чем он пишет? По нему, плавники – это руки, что ли? Киты когда-то ходить умели? Так от ног хоть утолщение какое, да на позвонках с шестидесятого до семидесятого что остаться должно». 4-1-210

Ноги в невыученную им ещё часть скелета под номером 107 упёр и принялся почерк того далее разбирать: «А передние плавники его не только на глубину влекут, но и назад плыть позволяют. Но медленно. На Териберке сам то видал, когда туда тюлени да киты²³¹ вслед за сельдью зашли. А задних ног у него совсем не осталось...». 4-1-210

Миша, на коленях оставаясь, распрямился: – Я ноги его ищу. – Кита?! – Василий Дорофеевич покрутил пальцем у виска. –4-1-210

Давай, побегай, ищи китовы ноги. Я тут сам. 4-1-211

Миша скрестил за спиной пальцы. 4-1-127

Стол уж вынесен. Стулья вдоль стен расставлены. Хозяин с супругой стоят и то на него, то на дочь свою взгляд переводят. Mutter, правда, иной раз на Ральфа благосклонно посматривает. Музыканты настраиваются. 4-1-126

Опять улыбайся. Но зато, чувствую, хрящик проскочил. Сразу полегчало. Бокал на стол. Чуток не попал меж тарелок. Звякнуло чем. Отскочило что-то. Да ерунда! Китти смотрит как-то не так. Да ладно! А хорошие эти люди, немцы! 4-1-121

Стулья, соломой будто плетёные. Надо хоть не первому сесть. Вдруг подстава? Вон те, что на коже, вроде крепче. Столы в один составлены и белым полотном покрыты. Шкафы вдоль стен створчатые и для посуды. У чашечек стенки до чего тонки... Кувшинчик маленький. Детский, что ли? Печь разрисованная. Нет. Как правильно-то? Изразцами обложена! 4-1-120

Для тепла. Мимо зеркала, отворотясь, прошёл, чтоб себя не видеть. В зелёном и с зелёным лицом: ещё передумаю... 2-456

Маша подошла, глотнула разок из того же графина, с той же стороны: 2-454

Да ещё кто-то добрый – не упомню кто – Вильгельму рубин подарил. Во какой! – он пальцами, по-рыбацки привирая, показал его размер. 2-163

Соседи! Есть кто? Соли не отсыплете? – заворковала она, улыбаясь и растворяя дверь пошире. В квартире было темно и неприятно пахло чем-то неживым 5-380

– Пойдём в комнаты, – предложил Николай Иванович. «Комнаты – значит их, как минимум, еще две. Из коридора первая стеклянная дверь направо – кухня, вторая – глухая – в комнату, дальше коридор разветвляется. Видимо, там ванная и вторая комната», – запоминал Корешок. 5-323

Библиотека оказалась именной. К тому же носила фамилию известного краеведа, чья книга об именах городских улиц была и у них дома. Значит, к историческим источникам здесь должны относиться со вниманием. Он обратился к электронной базе данных 5-347

.Дважды мигнул фарами встречный 343 автомобиль. Времени объясняться с полицией у Корешка не было. Он сбросил скорость до нормы, и на ближайшем отвороте заметил патруль. 5-344

Потомок их, праправнук не только не крестился двумя перстами, но и вообще был далёк от религии. Однако книги рукописные и старопечатные не просто любил, а стал настоящим их знатоком 5-302

Казимир заметил, что у паренька есть качество, необходимое для будущего промысла. Лицо его, как у игрока в покер, почти не выражало эмоций. 5-312

– Это, получается, **женщины в алтаре**? – Пётр Евгеньевич, улыбаясь, кивал, показывая на собирающихся у стойки выдачи библиотекарей. – Была у нас одна верующая, так туда ни ногой, – директор, слегка смутившись, отступила на шаг. – Мы её в «иностранку» перевели. 5-160

«А теперь **хоть нож в воду**, хоть отворачивайся, а всё равно слёзы». Она принялась резать хрустящий, брызгающий соком луковый глобус поперёк меридианов. 5-139

Но, прежде чем вернуться, открыла коричневую тиснёную обложку с золотыми буквами по центру, **нашла семнадцатую страницу**. «Вот глупая привычка. Он же сам из библиотекарей. Чего я?» Однако с собой не поспоришь. На семнадцатой все коллеги ставили штамп. И она, где бы, у кого бы ни была, но уж если попадётся книга, всегда заглядывала на начало второй типографской тетради, на семнадцатую: не покраденная ли? 5-138

Сосед подал ему заранее приготовленный стакан и, дождавшись, когда Иван Александрович осушил его, обстукав край зубами, вовремя подхватил и поставил на стол: 5-100

юнкеры с финских аэродромов... ещё и очередями пулемётными... Искорёженную машину так и не убирают. Она почти вся обгоревшая. Только крест по правому зелёному борту красной краской»10. 5-13

Шкаф-от какой! Нет, – поправил себя. – Надо говорить: посудный столовый сервант». Он ещё раз оглядел высоченный, упирающийся резной планкой в потолок. Верхние дверцы были украшены латунными головами львов с большими кольцами в пасти. 5-21

Чашечки и вовсе невесомые, с ручкой, в которую его палец уж точно не пролезет 5-21

Это хоть и не самого Виноградова, но уж точно его фабрики. Восемнадцатый век, – Анна Владимировна окончательно запугала его. – Мы только по праздникам выставляем, – она улыбнулась Евгению. 5-21

Он же ещё боле посуровел. Принимал от неё фарфор и всё боялся– не уронить даже, а просто взять покрепче, как дома или в общежитии привычную алюминиевую кружку, и раздавит

5-21

«Женя тут сразу вилочку на край тарелочки. Я понятливый: когда говорить, так не с набитым ртом». Отвечал заученное: 5-26